

Вячеслав Власов

Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского Государственного Университета. Поклонник и исследователь творчества Рихарда Вагнера, член Общества Рихарда Вагнера в Великобритании. Член Российского союза писателей, финалист премии «Писатель года» в основной номинации (2022), в номинации «Дебют» (2020). Автор рассказов о жизни композитора в Риге, Санкт-Петербурге, Венеции и о постановках его опер в Российской империи, передачи «Петербургская элегия Вагнера» на телеканале «Санкт-Петербург». Соавтор ряда культурных проектов, направленных на популяризацию творчества Рихарда Вагнера.

Рандеву с Мадам Мишель

(петербургская элегия Рихарда Вагнера)

Часть I

Александр Николаевич Серов пристально наблюдал за облаками из окна своей квартиры в доходном доме на набережной Мойки. Типичная питерская январская погода с хмурыми, графитового цвета тучами, гонимыми порывистым ветром по низкому небу, могла довести до уныния любого, но только не опытного музыкального критика, а теперь и начинающего композитора. Навевающая тоску воздушная скачка вызывала в нем ощущение гармонии, созвучия с полными тревоги первыми тактами увертюры к его только что завершенной опере «Юдифь».

«Как бы хотел я, — мечтал Серов, взглядываясь в безотрадный пейзаж, — чтобы публика, увидев мое творение в Мариинском театре, признала его настоящей музыкальной драмой, сравнимой с произведениями обожаемого и боготворимого мною Рихарда Вагнера. Беда лишь в том, что она их не знает. Но это дело поправимое...»

Взгляды Александра Николаевича на развитие оперного искусства были схожи с вагнеровскими. На этой почве два композитора познакомились и подружились. Они встречались и состояли в переписке, но вот уже несколько лет судьба не давала друзьям возможности увидеться вновь. Под влиянием Серова Рихард согласился дать в Санкт-Петербурге несколько концертов в феврале 1863 года. Время приезда Вагнера приближалось, и каждый день его русский друг, завершив очередную репетицию «Юдифи», предвкушал долгожданную встречу со своим кумиром, опасаясь в глубине души, как бы гастроль Рихарда не сорвалась по вине русской музыкальной бюрократии. Чиновники пытались снизить размер запрошенного Вагнером гонорара, торгуясь с именитым немецким маэстро, словно с приказчиком на рынке.

Серов задумался: «Эти ослы, руководители Филармонии, подобны облакам над Мойкой, мешающим пробиться солнечному свету. Что же сделать, как переубедить их? Придется пустить в ход навыки критика и полемиста, доказать этим невеждам, насколько бесценен талант Вагнера, и как страстно жаждет его прогрессивная публика. Три года назад упрямство идиотов из Русского музыкального общества заставило Рихарда отказаться от питерских гастролей. Если в этот раз они снова будут несговорчивы, так Вагнер и вовсе никогда не приедет в Россию. История нам этого не простит!»

За своими рассуждениями Серов чуть не забыл, что с минуты на минуту к нему должна прийти необычная гостья. Баронесса Елена Егоровна Стааль, фрейлина Великой княгини Елены Павловны, попросила принять ее. Композитор пребывал в недоумении: чем он может быть полезен Ее Императорскому Высочеству? Участвовать в деятельности Консерватории, открытой княгиней в прошлом году, Серов отказался. Пусть классы ее расположены в доме напротив, и преподавать там было бы исключительно удобно, но Александр Николаевич, чьи частные уроки пользовались огромной популярностью в столице, имел собственный взгляд на организацию музыкального образования, отличный от видения Елены Павловны и директора Консерватории Антона Рубинштейна. По этой причине первую он именовал в кругу друзей «капризным злом с проседью», а ко второму был настроен враждебно.

«Неужели Елена Павловна послала фрейлину переубедить меня? Напрасные хлопоты, — подумал Серов, — я ни за что не соглашусь преподавать у Рубинштейна. Не могут же властители музыкального мира из-за этого помешать постановке моей "Юдифи"? Ведь опера только-только получила дозволение цензуры...»

Когда в гостиную вошла темноволосая, высокая, стройная красавица лет тридцати, Серов обомлел. Он не мог оторвать от нее взгляда. Вот

она, настоящая Юдифь, почти как на картине Джорджоне! Разве что наряд ее отличался от одеяний иудейской соблазнительницы: вместо прозрачной накидки — пунцового цвета бархатное платье с серебряным шитьем и красующимся на груди вензелем Елены Павловны, атрибутом фрейлины Великой княгини. Обладай баронесса певческим талантом, ей можно было смело предложить заглавную роль в опере вместо Валентины Бианки!

Поприветствовав гостью поклоном огромной головы с копной взъерошенных седых волос, обычно самоуверенный Серов пришел в смущение от своего неряшливого вида и от скудной обстановки жилища холостяка на пятом десятке лет — квартиры, в которой он и принимал прекрасную фрейлину.

Заметив смятение на его лице, гостью игриво улыбнулась и завела разговор вежливым, чуть извиняющимся тоном:

— Ваше превосходительство, Александр Николаевич! Любезно прошу простить меня за столь внезапный визит. Ее Императорское Высочество справляется о вашем здравии и выражает надежду на скорую постановку «Юдифи» на мариинской сцене, с нетерпением ожидая возможности посетить премьеру. Она уверена, что станет вашей страстной поклонницей.

— Ваше сиятельство, Елена Егоровна, добро пожаловать! Я искренне рад приветствовать вас в моей творческой мастерской, а моя признательность Великой княгине не знает границ. Репетиции оперы уже начались. Для меня будет большой честью, если Елена Павловна соизволит присутствовать на первом спектакле в мае.

— Право, не стоит благодарности, милостивый государь! — произнесла баронесса. — Это мы должны сказать спасибо и за ваш благородный труд, результата которого ожидает весь Петербург, и за то, что вы согласились отложить свои дела, дабы оказать Ее Императорскому Высочеству содействие в очень деликатном вопросе, в котором трудно найти во всей столице человека более сведущего.

— Милостивая государыня, садитесь, прошу вас, и расскажите мне, чем скромный музыкальный критик может быть полезен Елене Павловне, ибо я пребываю в полном неведении, — Серов, пытаясь скрыть волнение, жестом предложил фрейлине сесть на диван, а сам расположился в кресле напротив.

— Александр Николаевич, мы знаем о ваших дружеских отношениях с немецким композитором Рихардом Вагнером, который намеревается в ближайшее время посетить столицу с концертами, — ответила ему фрейлина. — Великая княгиня за последнюю неделю получила несколько прошений дать мсье Вагнеру аудиенцию. Просьбы эти поступи-

ли, прежде всего, из музыкального мира, через Антона Рубинштейна. В то же самое время за мсье Вагнера хлопотали очень близкие Ее Высочеству люди — фрейлина Эдита Раден и даже личный доктор, что немного смутило Елену Павловну. Во время путешествий по Европе она, конечно же, слышала о выдающемся таланте этого композитора. Однако, учитывая обстоятельства, мы просим вас, любезный Александр Николаевич, не считите за труд — расскажите для Великой княгини, какую цель преследует Вагнер своим приездом в Россию?

— Елена Егоровна, я признателен за то, что вы обратились за советом именно ко мне. С Рихардом Вагнером мы знакомы лично почти четыре года, и действительно стали очень дружны. Ни Рубинштейн, ни патронируемая Еленой Павловной дирекция Русского музыкального общества — никто не знает его лучше. Следовательно, как самый близкий Вагнеру человек в нашем отечестве, я могу заверить Великую княгиню в том, что мы пригласили Вагнера в Петербург с исключительно благородной целью: донести до нашей публики новое слово в искусстве, прочно укоренившееся в Европе, но у нас практически неведомое. Не сомневаюсь, что, оказавшись на русской земле, Вагнер почтет за честь засвидетельствовать свое почтение Ее Императорскому Высочеству, которая отдает так много сил и времени просвещению публики.

— Вы хотите сказать, что инициатива концертов исходит не от самого композитора? Так от кого же?

Блестящие серые глаза Серова заискрились из-под насупившихся, густых бровей.

— От вашего покорного слуги... Я потратил годы, изучая и проповедуя творчество Вагнера, такое новое и необычное для нас, безуспешно хлопотал перед театральной дирекцией о постановке его опер, хотя бы «Тангейзера», неоднократно склонял Вагнера приехать к нам с гастролями. И только совсем недавно мой голос был наконец-то услышан нашим Филармоническим обществом, сподобившимся после долгих увещаний пригласить маэстро в Петербург. Только они все никак не могут согласиться на запрошенный Вагнером гонорар. А ведь денежный вопрос жизненно важен для композиторов, имеющих единственное средство к существованию — скромные доходы от творчества. Не в каждой стране найдется такой венценосный покровитель талантов, каким является наша Великая княгиня! Если бы Елена Павловна сооблаговолила уделить финансовому аспекту концертов Вагнера свое высочайшее внимание, ее попечительство незамедлительно принесло бы плоды и Вагнеру, и Филармоническому обществу, и всем российским почитателям серьезной музыки.

Баронесса Стааль представила себе, как этот невысокого роста энергичный человек, имеющий репутацию отчаянного спорщика, обивает

пороги чиновничьих кабинетов, доказывая ничему не сведущим в музыке людям необходимость выступления в Петербурге иностранного композитора, имени которого они ни разу не слышали. Покачав головой в знак сочувствия Серову, фрейлина продолжила беседу.

— Любезный Александр Николаевич! Неужели вы — единственный, кто хлопотал о гастролях мсье Вагнера? Не может быть, чтобы настолько известный композитор не имел и других знакомых в России! Говорят, что одно время он водил дружбу с анархистом Михаилом Бакуниным. Как вы полагаете, могут ли последователи этого революционера — те, что еще не арестованы — искать встречи с Вагнером в Петербурге? Не попытаются ли они создать угрозу для Великой княгини?

— Елена Егоровна, позвольте заверить вас, что допускающие такие предположения абсолютно не знают Рихарда Вагнера. Единственное, что интересует этого талантливейшего человека — преобразование нашего представления об оперном искусстве и открытие для публики своих музыкальных драм! Вагнер действительно рассказывал мне, что его впечатлила напористость Бакунина, первого русского человека, встретившегося на его пути лет пятнадцать назад во время восстания в Дрездене. Тогда он работал над своим трактатом «Искусство и революция» и пытался по-юношески подражать этой целеустремленной личности. Но то было очень давно. С тех пор их пути разошлись. Ассоциировать сейчас деятельность Вагнера с жаждущими анархии сумасшедшими или же думать, что он будет тратить свое драгоценное время на встречи с ними, а тем более — на сотворения неприятностей Великой княгине... Это, простите, полный нонсенс.

Серов повествовал живо, увлеченно, жестикулируя правой рукой, словно взмахивал дирижерской палочкой. Выслушав его внимательно и с неподдельным интересом, баронесса Стааль промолвила:

— Мне было важно услышать эти слова именно от вас, настоящего патриота нашего государства, знающего Вагнера лично. Но позвольте, если вагнеровский трактат называется «Искусство и революция», не характеризует ли это автора как революционера в душе?

— Сударыня, можно, наверное, и так его назвать, — искренне усмехнулся Серов, — но с большой натяжкой и с оговоркой, что сфера его так называемых «революционных интересов» ограничена исключительно музыкальным искусством. Помимо названного трактата, Вагнер изложил свои взгляды и в других работах — например, в «Произведении искусства будущего» и в «Опере и драме». Уже много лет я обращаю на них внимание соотечественников своими статьями в «Музыкальном и театральном вестнике» и публичными лекциями. Задумайтесь: совсем скоро то, что мы именуем оперой, канет в Лету, открыв дорогу новым,

поистине драматическим произведениям, представляющим собой синтез различных видов искусств. Если кто видит в этом революцию, то может и меня смело записывать в революционеры. Я к подобному заключению пришел самостоятельно, не сговариваясь с Вагнером. Наверное, оттого мы с ним и сошлись так легко!

— Александр Николаевич, простите меня великодушно, я не очень хорошо разбираюсь в этих вопросах. Революционер для меня — человек, пытающийся разрушить установленное Богом государственное устройство. А здесь, похоже, совершенно иные соображения. Но если в музыке тоже случаются революции, то синтез искусств — это ведь не разрушение? Наоборот, в нем объединение, эволюция! Просветите меня, будьте добры, удалось ли мсье Вагнеру создать такое истинно-драматическое произведение? Было бы очень интересно услышать, как публика отреагировала на это новшество.

— Любезная Елена Егоровна! Для нас в России родство музыки и драмы пока еще в новинку. Когда я писал об этом родстве в своих статьях, называя его истинным искусством, надо мной посмеивались. А Рихард Вагнер не только обосновал его теоретически, но и успешно реализовал на практике, в Европе, конечно же. Вы слышали про его новую драму «Тристан и Изольда», готовящуюся к постановке в Вене? Такой музыки оперный мир еще не знал, в этом я вас могу заверить с полной откровенностью. Вагнер сам играл эту драму для меня на рояле! Представьте себе написанную на сюжет древней легенды о любви и смерти, бесконечно длящуюся, тревожную, блуждающую мелодию, разрешающуюся лишь с последним аккордом! Это нечто потрясающее! Прошу вас, сделайте одолжение, обратите внимание Ее Императорского Высочества на исключительную важность визита господина Вагнера в Петербург, чтобы никакая волокита не помешала ему прибыть в условленное время, через три недели. Тогда и Елена Павловна, и вы, и я, и наша образованная публика сможем оценить всю прелесть его опер-драм, причем под управлением самого автора. Обещаю вам, милостивая государыня, что вы придете в истинный восторг! Вы не сможете не влюбиться в вагнеровскую музыку! А после этого, Елена Егоровна, у вас будет шанс услышать и первую русскую музыкальную драму — мою «Юдифь»...

Фрейлина одарила Серова самой доброй улыбкой и начала прощаться.

— Александр Николаевич, нет слов, чтобы выразить мою благодарность за бесценную помощь. Я непременно передам Великой княгине все сказанное вами...

Почтительно поклонившись, Серов взглядом попросил ее задержаться.

— Елена Егоровна, вы вселили в меня надежду на то, что гастроль Рихарда Вагнера непременно состоится в запланированный срок, и я никогда не устану благодарить Великую княгиню за ее покровительство. А сейчас позвольте напоследок сыграть для вас небольшую увертюру к моей «Юдифи» в знак признательности за ваше участие в судьбе моего друга Вагнера, а также в качестве приглашения на премьеру оперы.

Баронесса с наслаждением прослушала вступление к опере, исполненное композитором на домашнем рояле. Более всего ее впечатлило окончание увертюры, музыка которой оказалась насквозь пропитана ощущениями радости. Закрыв глаза, Елена Егоровна представила лучи яркого солнечного света, а когда Серов закончил играть, она взглянула ему в лицо и увидела тот же самый свет в блеске его серых глаз.

Короткое общение с Александром Николаевичем, прямолинейным, открытым и честным человеком, доставило ей удовольствие. Она непременно придет на представление в Мариинский театр и встретится с ним еще раз. Сейчас же она должна была откланяться, чтобы успеть завершить начатое дело.

Когда дверь за фрейлиной затворилась, Серов попытался упорядочить свои мысли.

«Во-первых, постановке "Юдифи" ничто не угрожает. Это уже хорошо, — размышлял он. — Во-вторых, к согласованию финансовых аспектов выступления Вагнера в Петербурге привлечено внимание власть имущих. Еще лучше! Баронесса упомянула об участии Рубинштейна. Хоть я его и ненавижу, — надобно, наверное, поступиться гордостью и нанести ему визит, замолвить слово за Вагнера. Это наверняка поможет увеличить столь нужный моему другу гонорар. И, наконец, верно ли я представил Рихарда этой очаровательной фрейлине, не растерялся ли перед ее лучезарным взглядом, достаточно ли ясно высказался, чтобы она смогла убедить Великую княгиню в особом значении гастролей Вагнера для России? Кажется, да... Но, Господи, чем она не Юдифь? Настоящая Юдифь! А если так, кто же тогда Олоферн?»

Часть II

Через полчаса после встречи в квартире Серова баронесса Елена Егоровна Стааль была уже на Фонтанке. Расположившись в кресле кабинета Василия Андреевича Долгорукова, главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, она делилась с шефом жандармов своими выводами из полученной от Серова информации.

— Поручение выполнено, Ваше Высокопревосходительство! Действительный статский советник Серов, знающий Рихарда Вагнера лучше всех в нашем отечестве, однозначно свидетельствует: немецкий композитор не представляет никаких угроз. Много лет назад он был знаком с Бакуниным, но давно уже связей с ним не поддерживает, и занимается исключительно теорией искусства и написанием диковинных опер. Идея пригласить Вагнера в Россию принадлежит Филармоническому обществу, а сам он с радостью ухватился за полученное приглашение, так как за концерты в Петербурге получит намного больший гонорар, чем в Европе. Именитый зарубежный гастролер приезжает к нам для пополнения собственного кошелька и вряд ли заслуживает внимания Вашего Высокопревосходительства.

Князь Долгоруков, шестидесятилетний генерал от кавалерии, поднялся с кресла, продемонстрировав госте военную выправку и увешанный орденами китель, затем бросил полный почтения взгляд на портрет Александра II на стене, улыбнулся и обратился к своей собеседнице:

— Очень хорошо, если именно так, милостивая государыня. Очень хорошо... Я надеюсь, господин Серов не заподозрил истинной цели вашей с ним беседы?

— Ваше Высокопревосходительство, я не дала ему для этого ни малейшего повода, — серьезным тоном ответила баронесса, полная уверенности в том, что справилась со своим первым заданием от Долгорукова безупречно. — Александр Николаевич поверил моей просьбе подготовить Ее Императорское Высочество к аудиенции, которой она удостоит мсье Вагнера. А я действительно собираюсь сегодня рассказать Великой княгине обо всем услышанном.

— Превосходно, сударыня, просто превосходно! Ваш покойный отец, генерал Стааль, несомненно, гордился бы вашей сообразительностью так же, как и я сейчас. Непременно нужно уберечь от возможных неприятностей Елену Павловну, старейшего члена императорской фамилии. Я помогу вам в этом деле не только по долгу службы, но и в память о Великом князе Михаиле Павловиче, покойном супруге Великой княгини и моем старинном боевом командире. И вы мне помогите, прошу вас. Давайте порассуждаем вместе, сравним вашу информацию со сведениями о господине Вагнере, известными нашему ведомству. Пятнадцать лет назад он водил дружбу с анархистом Бакуниным. Они вместе участвовали в восстании в Дрездене, за что наш гастролер был объявлен в розыск и подлежал аресту. У нас есть копия объявления, разосланного властями Саксонии во все немецкие земли. Вагнер бежал из Германии и много лет скитался по миру, и вернуться ему разрешили лишь недавно.

— Серов поведал мне, Ваше Высокопревосходительство, что с тех далеких пор единственное, что занимает Вагнера, — его творчество. Он создает новый вид оперных произведений — музыкальную драму, пользующуюся успехом в Европе, а у нас практически неизвестную. Сейчас маэстро собирается познакомить с этими необычными драмами петербургскую публику...

— Вполне может быть, вполне может быть. В том же духе пишет и наш осведомитель. Вот послушайте...

Князь Долгоруков взял со своего письменного стола небольшую папку, вынул оттуда донесение и принялся читать вслух:

— «Вагнер хотя и принимал в 1848 году участие в беспорядках в Германии, но ныне, кажется, остепенился...» Скажите, Елена Егоровна, вас ничто не насторожило в беседе с господином Серовым?

— Кажется, нет... Александр Николаевич сполна удовлетворил мое любопытство, — фрейлина задумалась. — Хотя... Название вагнеровского трактата, о котором говорил Серов, не дает мне покоя. Как же он именовался?.. Вспомнила! «Искусство и революция»!

— Bravo, милостивая государыня, bravo! Мне не дает покоя тот же самый трактат. В тонкостях музыкального искусства главному жандарму, бывшему военному министру, разобраться сложно, но когда я прочел выдержку из этого труда Вагнера, присланную нашим агентом, то начал подозревать неладное. Там приветствуется Революция с заглавной буквы, сравнивая по силе своей с разрушением Древней Греции! Вот полюбуйтесь, — Долгоруков достал из той же папки еще один листок и передал его фрейлине.

«Мы хотим стать прекрасными, сильными людьми, которым принадлежал бы весь мир как вечный неистощимый источник самых высоких художественных наслаждений. Чтоб достигнуть этой цели, нам нужна сила всемогущей Революции, ибо только эта наша революционная сила ведет прямо к цели — цели, которой только она и в состоянии достигнуть уже потому, что первым ее актом было разложение греческой трагедии и разрушение афинского государства».

Прочитав подчеркнутый красным карандашом текст, баронесса Сталь промолвила:

— Милостивый государь, Василий Андреевич! Написано очень запутанно, но слова эти кажутся не более чем метафорой. Вагнер восхищается трагедией, как идеальным жанром классической древности, и мечтает возродить нечто подобное. Серов объяснил мне: композитор имел в виду не свержение государственного строя, а синтез различных видов искусств. Это совершенно новое, прогрессивное для нас начинание, а вовсе не та революция, о которой вы можете подумать.

— А что тут думать, дорогая Елена Егоровна! Вы же сами видите, что происходит в Европе. Прикрываясь красивыми словами, например, о либеральном прогрессе, благоденствии народов и общественном спокойствии, революционеры стремятся к анархии, кровопролитию, коммунизму и установлению собственной власти. Бывший друг Вагнера Бакунин — а бывший ли, мы доподлинно не знаем, — спит и видит, как бы привнести эту заразу в наше отечество. Сначала он создает мерзкие революционные кружки. Мне даже любопытно: посещают ли их тайно наши композиторы?.. И прямо сейчас, когда мы с вами беседуем, этот субъект ведет лживую пропаганду в Царстве Польском, возбуждает ненависть к русскому правительству среди помещиков, шляхты и городского населения...

На лице Долгорукова читались отвращение и презрение к Михаилу Бакунину, стальной голос князя звучал резко и напористо. Затем Василий Андреевич перевел дух и продолжил беседу с фрейлиной более спокойным тоном:

— Кто знает, вдруг влияние Бакунина на нашего гастролера до сих пор сильно? Не доверяю я этим людям искусства! Не помните, сударыня, откуда эта фраза: «гений и злодейство — две вещи несовместные»? Пушкин, по-моему. Прекрасно сказано, только поэт забыл знак вопроса на конце поставить... А мы, любезная Елена Егоровна, не будем судить композиторов лишь по их словам, а рассудим по их делам, по содержанию их опер. Удалось вам узнать у господина Рубинштейна, какими произведениями прославился Вагнер?

— Узнала, Ваше Высокопревосходительство. Я побеседовала с Рубинштейном еще до встречи с Серовым, и сейчас Вам обо всем расскажу. Позвольте начать с того, что в молодости Вагнер несколько лет жил и работал у нас в империи, в Риге. Там он вдохновился популярным европейским романом о римском трибуне Риенци и создал одноименную оперу. Сюжет у Вагнера получился кровавый: Риенци даровал людям верховенство права, а в конце народная толпа спалила его живьем в Капитолии. Наша цензура постановку запретила.

— Матьер Божья, какой ужас! Правильно сделали, что запретили. Увольте, неужели это и есть новое, прогрессивное искусство, которым господин Вагнер собирается накормить русскую публику? А заодно и Великую княгиню Елену Павловну — самую усердную в императорской семье сторонницу освобождения крестьян? Не нравится мне эта идея.

— Нет, милостивый государь, то была юношеская работа Вагнера, исполнять ее в Петербурге он не намерен. Кстати, вас может заинтересовать такой факт: в Риге молодой композитор написал «Национальный гимн» по случаю тезоименитства Николая I, очень популярный в то время.

Имя покойного Государя, к памяти которого Долгоруков относился трепетно, подействовало на князя успокоительно. «Прошло почти восемь лет, как император Николай покинул наш мир, а я до сих пор делаю прическу, стригу усы, виски и бакенбарды по его подобию», — подумал про себя Василий Андреевич, а вслух произнес:

— Очень похвально. За это мы, думаю, можем простить нашему гастролеру грехи молодости. И как же дальше раскрывался его талант?

— Следующая его опера называлась «Летучий голландец». Фабула взята из древней легенды о проклятом моряке, вечно скитающемся по морям. Раз в семь лет ему позволено сойти на землю, чтобы найти верную жену и снять проклятие, — продолжила фрейлина.

— О, эта история звучит гораздо интереснее! Даже представить страшно, сколько у Голландца было дам! — смущенно улыбнулся князь. — Расскажите мне, любезная Елена Егоровна, отыскал ли он, в конце концов, преданную жену?

— Отыскал, Ваше сиятельство, — Сенту, дочь норвежского моряка, — но усомнился в ее верности. Она сбросилась с утеса в пучину вод, а Голландец утонул вместе со своим кораблем. Они воссоединились уже на небесах.

— Час от часу не легче! Наверняка и музыка в этой опере мрачная. Неужели такие депрессивные произведения хоть кому-то интересны? Попробовал бы лучше господин Вагнер писать военные марши, и у него мгновенно появились бы миллионы слушателей по всему миру!

— Про марши спорить с вами не буду, милостивый государь, а в отношении «Летучего голландца» позвольте не согласиться. Женщина приносит себя в жертву, чтобы искупить грехи своего мужчины, — чем же плох сюжет? Такой же идеей пронизана и следующая опера Вагнера — «Тангейзер». В ней рыцарь Тангейзер наслаждается любовью с богиней Венерой в ее гроте. От грешника все отвернулись, Папа Римский его проклял, и лишь любящая Тангейзера праведная Елизавета вымолила ему прощение у Бога.

— Елена Егоровна, если публику такие сюжеты воодушевляют, не дело нашего ведомства мешать ей получать сомнительное эстетическое удовольствие. История Тангейзера вызывает любопытство. Просветите меня, что стало с рыцарем и с благочестивой девой?

— Тангейзер умер на теле Елизаветы, отдавшей свою жизнь Богу за спасение души любимого, так и не узнав в этой жизни о своем спасении, — со вздохом произнесла баронесса Стааль, ожидая услышать очередную порцию возмущения от Долгорукова.

— Боже правый! Признаюсь вам, милостивая государыня, что я не большой любитель таких, простите мой сарказм, жизнеутверждающих

опер, — отреагировал князь. — Если бы не служебный долг, я бы на них совсем не обратил внимания. Скажите, однако, господин Вагнер создал эти шедевры до знакомства с Бакуниным, или после?

— Эти оперы он написал до встречи с Бакуниным, а уже после на сцене было поставлено его новое произведение — «Лознгрин», написанное по мотивам еще одной древней легенды. В нем повествуется о брабантской герцогине, ставшей жертвой борьбы за власть.

— Елена Егоровна, прошу Вас, здесь поподробнее, пожалуйста, — глаза у начальника III отделения заблестели в предчувствии возможной «добычи».

— Как Вам будет угодно, — фрейлина пыталась вспомнить рассказанный ей Антоном Рубинштейном сюжет и не упустить не единой детали, важной для шефа жандармов. — Эльзу, дочь умершего герцога Брабанта, несправедливо обвинили в убийстве своего брата, чтобы отобрать у нее права на герцогство. Никто не мог защитить бедную девушку. И вдруг на белой ладье, запряженной лебедем, появился светлый рыцарь из ее сна. Он спас Эльзу, вернул ей Брабант и взял в жены, но с одним условием: никогда не спрашивать, кто он и откуда.

— Вот уж история, так история! Тайный спаситель! — оживился Долгоруков. — Надеюсь, на этот раз у господина Вагнера получилось сочинить оперу с благополучным концом? Эльза и безымянный рыцарь жили долго и счастливо...

— Нет, Ваше сиятельство. Главная героиня не выдержала и задала мужу запретный вопрос. Рыцарь был вынужден ее покинуть, а Эльза умерла от горя.

— Конечно же, именно так и должно было произойти! — Василия Андреевича словно осенило. — Как видите, сударыня, я уже начинаю разбираться в основных мотивах творчества нашего гастролера! Главная героиня у него обязательно должна умереть! Скажите только, кем оказался рыцарь? Надеюсь, не шпионом?

— Лознгрин был сыном Парсифаля, короля Храма Грааля, святой чаши, в которую собрали кровь Христа на Голгофе. Грааль послал рыцаря помогать тем, кому больше неоткуда ждать защиты.

— На условиях секретности? Как-то это нехорошо! Хотя если творить только добрые дела, то можно. А кто убил брата Эльзы?

— Никто не убивал. Молодого герцога заколдовали, превратив в лебедя. Лознгрин разрушил чары, и тот стал править Брабантом на законных основаниях.

— Что я могу сказать по этому поводу, — подытожил Долгоруков. — Опера, конечно, очень депрессивная, но раз в герцогстве восторжествовала законная власть, то нашему ведомству здесь делать, похоже,

нечего. Это больше по части Елены Павловны, она у нас в отечестве заведует музыкальными вкусами.

Василий Андреевич почувствовал усталость. От сумбурных, непонятных либретто вагнеровских опер его клонило в сон. В других обстоятельствах главный управляющий III отделением не стал бы тратить на них свое время, а поручил бы подчиненным. Но поскольку господин Вагнер намеревался встретиться с Великой княгиней, князь счел своим личным долгом убедиться в отсутствии каких-либо угроз для Елены Павловны. Ведь он отвечал за ее безопасность перед Богом и перед самим Государем! На сегодня осталось сделать совсем немного — прочесть последнее донесение от агентов.

— Милостивая государыня, Елена Егоровна, — обратился Долгоруков к фрейлине с отеческой теплотой и нежностью, — если бы ваша служба не была так дорога Ее Императорскому Высочеству, то я хлопотал бы о зачислении вас, в нарушение всех правил, в III отделение. Вы провели предварительное расследование исключительно добросовестно, за что выражаю вам глубокую благодарность. Помогите мне, прошу вас, еще с одним вопросом. Я получил информацию от нашего агента о переписке Вагнера с руководством Филармонического общества. В ней он перечисляет все, что намеревается исполнить в зале Дворянского собрания. Не откажите в любезности, давайте прочтем вместе.

Князь вынул из папки очередное донесение и принялся комментировать вслух:

— Так, «Летучий голландец», «Тангейзер», затем «Лоэнгрин»... Их исполнять можно, беспокойства публике не причинят, если только душевное расстройство.

Затем взгляд его остановился на незнакомых словах, и шеф жандармов воззвал о помощи:

— Господин Вагнер предлагает представить отрывки из своих совершенно новых сочинений: «Тристан и Изольда», «Нюрнбергские мейстерзингеры», «Зигфрид», «Валькирия». Елена Егоровна, вам говорят что-нибудь эти названия?

— Серов рассказывал мне только про «Тристана и Изольду», Ваше сиятельство. Это и есть музыкальная драма — новшество для нашего отечества, она готовится к постановке в Вене.

— А с сюжетом вы случайно не знакомы?

Внезапно баронесса Стааль почувствовала внутреннее раскрепощение. Она откинула голову, пристально посмотрела своими большими глазами на седого генерала в годах, хитро улыбнулась и заговорила игривым тоном:

— Я его прекрасно знаю, ваша светлость. Вагнер создал свою драму на основе древней легенды о запретной, безумной, страстной и безудержной любви рыцаря Тристана к ирландской принцессе Изольде, которую он сам привез в жены своему престарелому королю Марку.

— Какое безобразие! Я имею в виду — обманывать короля Марка! — произнес князь, скрывая смущение и непроизвольно улыбаясь в ответ. — Но, позвольте мне угадать, любезная Елена Егоровна: в конце оперы Изольда умрет?

— Умрет, Ваше сиятельство, непременно умрет. От горя и тоски по Тристану, сразу после его смерти. Но до этого, как мне сказал Серов, она будет очень долго петь...

— Я так и предполагал: ничего оригинального господин Вагнер не придумал. Историю Тристана и Изольды можно без опасения исполнять в Дворянском собрании, но, я уверен, что пожилые господа ею возмутятся. Про остальные новые оперы Вагнера нам, получается, ничего не известно. Не будем терять бдительности, милостивая государыня, вдруг в них закралась какая-нибудь крамола! Что же нам делать?

— Милостивый государь, Василий Андреевич, у меня есть идея. Баронесса Раден, фрейлина Елены Павловны, наверняка соизволит пригласить мсье Вагнера на традиционные «четверги» в Михайловском дворце. Там обычно собираются деятели искусства и обсуждают свое творчество. Я внимательно прислушаюсь к тому, что наш гость расскажет о своих новых музыкальных драмах, или сама спрошу его, если он будет скромнен, а потом передам вам.

— Любезная Елена Егоровна, давно уже в III отделении никто не радовал старика усердием и смекалкой так сильно, как вы. Считайте меня вашим должником и передайте бесценной Великой княгине слова моей безграничной преданности: я буду охранять ее так же усердно, как светла в моей душе память о ее почившем супруге Михаиле Павловиче.

Князь Долгоруков поделился с баронессой своими соображениями, как его ведомство может обеспечить спокойствие Ее Императорского Высочества. Простого филера для слежки за Вагнером будет недостаточно, в дополнение они попытаются завербовать знающего зарубежную музыку студента недавно открывшейся Консерватории и отправить его на вагнеровские концерты со специальным заданием.

— Милостивый государь, Василий Андреевич, моя благодарность за ваше признание моих скромных услуг не знает границ. Я всегда рада быть полезной вашему Высокопревосходительству, — промолвила фрейлина.

И пожалела в глубине души о том, что князь-вдовец, как говорили при дворе, не собирался более связывать себя узами брака. Она смогла бы составить ему прекрасную партию!

— Тогда помогите мне напоследок еще в одном вопросе, я хочу посоветоваться. Пусть он не имеет прямого отношения к нашему ведомству, но вы сами с него начали. Речь пойдет о вознаграждении господина Вагнера в России, — Долгоруков в который раз открыл лежащую на письменном столе папку, достал из нее еще один лист, бегло пробежал глазами и продолжил возмущенным голосом. — Мне сообщают, что композитору обещан гонорар в тысячу рублей серебром за концерт. По моему мнению, это самый настоящий грабёж! Годовая пенсия генерала намного меньше! Вы не находите мои рассуждения справедливыми?

— Ваша светлость, я не так хорошо разбираюсь в финансовых делах. Раз уж русские композиторы по своей инициативе приглашают Вагнера за такую цену, то гонорар, наверное, оправдан. Помню, при дворе рассказывали забавную историю, как итальянская певица Катарина Габриели запросила у Екатерины II за выступления десять тысяч рублей. Императрица возмутилась: она своим фельдмаршалам платила меньше. На что Габриели ответила: «Тогда, Ваше Величество, пусть ваши фельдмаршалы вам и поют!»

— Любезная Елена Егоровна, — Василий Андреевич расплылся в улыбке, — я хоть и человек военный, но слышал окончание этой истории. Императрица Екатерина заплатила этой певице, но всего лишь семь тысяч! Я предложил бы вам рассказать мою версию легенды Ее Императорскому Высочеству в надежде, что такая тактика поможет и ей.

Снова передав слова безграничной преданности Великой княгине, поблагодарив баронессу Стааль за помощь и условившись о новой встрече с ней, как только Рихард Вагнер посетит Михайловский дворец, князь Долгоруков распрощался со своей гостьей.

«Ну, чем она не Изольда? Именно такой, наверное, Изольда и была. Оперу Вагнера про Тристана я бы с удовольствием послушал. Королю Марку там повезло, пусть и ненадолго... А этот гастролер совсем потерял совесть! Шутка ли: тысяча рублей серебром за один концерт! А он еще и торгуется, наверное», — подумал Василий Андреевич.

Он собрал воедино все полученные о Вагнере донесения и наложил на них резолюцию: «Иметь тщательное за ним наблюдение».

Продолжение следует...